ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1.09-3+929 Фет
DOI: 10.17223/23062061/24/1

Л.И. Черемисинова

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПОВЕСТИ А.А. ФЕТА «СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦ»

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная наукой проблема – поэтика повествования в художественной прозе А.А. Фета, обосновывается жанровая специфика повести «Семейство Гольц», выявляются особенности реализации нарративной стратегии в ней. Большое внимание уделяется раскрытию художественного смысла сочетания разных типов повествования в произведении, своеобразию композиционного строения повести «Семейство Гольц», а именно функции смены точек зрения и ракурсов изображения в ней. Характерное для Фета повествование (неспециальное, детальное, с обилием статических описаний) рассматривается как цементирующее начало повести «Семейство Гольц», на котором, несмотря на потенциально детективную интригу, держится весь текст.

Ключевые слова: А.А. Фет, повесть, нарративная стратегия, тип повествования, повествователь, рассказчик.

В современной науке художественная проза А.А. Фета, органическая часть его творческого наследия и литературной жизни России второй половины XIX в., исследована недостаточно. Издание академического двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта [1] сконцентрировало интерес исследователей преимущественно на текстологической и историко-литературной проблематике. Малоизученными остаются вопросы «прозаического» фетоведения: поэтика прозы, специфика ее нарратива, жанровые особенности произведений, сравнительный анализ повествовательной практики Фета и произведений писателей-современников. Наличие отдельных исследований названных проблем лишь открывает перспективное направление литературоведческих изысканий [2].

Художественная проза поэта написана преимущественно в жанре рассказа: «Каленик» (1854), «Семейство Гольц» (1870), «Первый зац» (1871), «Не те» (1874), «Кактус» (1881), «Вне моды» (1888). Из этого ряда выпадает прозаический опыт Фета под названием «Дядюшка и двоюродный братец» (1855), не имеющий точной авторской жанровой идентификации. А.Е. Тархов подметил, что данное произведение Фета в оглавлении журнала «Русский вестник» было названо повестью, но в тексте произведения его жанр не обозначен [3. С. 382]. Кому принадлежит жанровое определение – авторская ли это воля или решение редактора, – остается невыясненным.

Скорее всего, «Дядюшку и двоюродного братца» Фет считал повестью. В письме к А.А. Краевскому от 8 мая 1855 г. автор выражал сожаление, что Тургенев сдал в журнал его «повесть», не успев ее «пересмотреть» [4]. Как видно, новое прозаическое сочинение Фета было отдано на суд Тургеневу, мнение которого было важно для начинающего прозаика, чтобы впоследствии Тургенев передал его издателю «Отечественных записок».

В авторском предисловии к «Дядюшке и двоюродному братцу» содержится такая оговорка: «если не повесть, то, по крайней мере, несколько очерков» [1. Т. 3. С. 19]. Перед нами попытка обозначить жанровую специфику произведения, подчеркнуть ее «промежуточный» характер между повестью и очерковой прозой. Сомнения Фета относительно жанра написанного произведения, видимо, были обусловлены некоторой мозаичностью композиционной картины «Дядюшки и двоюродного братца». Тяготение к очерковым, документальным формам было свойственно Фету-прозаику, о чем свидетельствуют его циклы очерков «Из деревни», «Заметки о вольнонаемном труде», «Записки военного» и «<Записки судьи>».

В творческом сознании А.А. Фета, видимо, не было резких границ, отделяющих повесть от рассказа. В этом смысле он напоминал древнерусских авторов, у которых названные эпические жанры были идентичными: любой рассказ, любое повествование о значимых событиях определялись термином «повесть». Древний термин, как считает В.В. Кожин, «указывал на эпический характер произведения, на то, что оно призвано о чем-то объективно поведать; в этом смысле повесть отличалась, например, от “слова” – жанра, вбирающего в себя субъективную, лирическую стихию» [5. С. 281].

Субъективная, лирическая стихия выражалась в другой творческой ипостаси Фета – в его поэзии, которая была противоположна прозе [6. С. 7]. Всякое свое прозаическое сочинение¹ Фет именовал «рассказом», ощущая сложность его жанровой природы, во многом обусловленной документальной основой художественных произведений, изображением событий и размышлений, ставших неотъемлемой частью личного опыта автора. Замедленность повествования, отсутствие динамики в развитии действия, общая ослабленность фабулы, мозаичность композиционного строения и усиление функции повествователя, – все это свойственно повествовательной практике Фета-прозаика и характерно в равной мере для его рассказов и повестей.

Современное научное представление о жанрах эпоса позволяет считать повестью не только «Дядюшку и двоюродного братца», но и «Семейство Гольц», которое было напечатано в «Русском вестнике» с подзаголовком рассказ [7]. Можно предположить, что в данном случае жанровое определение принадлежит автору: Фет называл это произведение рассказом в письмах к И.П. Борисову² и Л.Н. Толстому³.

«Семейство Гольц» – автобиографическое произведение, написанное на материале армейских воспоминаний Фета⁴. В нем изображается судьба ветеринарного врача Гольца, человека несчастного, горького пьяницы, отвратительного в своем пороке, и страдания его семьи. Сюжет произведения несколько неожиданный для творчества Фета, он не вписывается в эстетическую систему суждений поэта, расходит-

¹ Речь идет о художественной прозе А.А. Фета.

² 5 февраля [1870] г. Фет писал И.П. Борисову: «Я в настоящее время кончаю рассказ листа в два печатных из новороссийск<ой> былой жизни. Это совершенно отдельный и в себе замкнутый рассказ» [8. С. 58].

³ Письмо Фета к Толстому неизвестно, однако судить о нем можно на основании двух ответных писем Толстого к Фету, в которых корреспонденты обсуждали новое произведение Фета. Термины «рассказ» и «повесть» применительно к «Семейству Гольц» в письмах Толстого использовались как взаимозаменяемые. Так, 16 (?) февраля 1870 г. Толстой писал: «Вы мне хотите прочесть повесть из кавалерийского быта. Я жду от этого добра, если только просто, без замысла положений и характеров» [9. Т. 1. С. 400]. В следующем письме, написанном после визита в фетовскую Степановку и чтения «Семейства Гольц», Толстой отмечал: «Я, уезжая от вас, забыл вам сказать еще раз, что ваш рассказ по содержанию своему очень хорош» [9. Т. 1. С. 401].

⁴ Впервые об этом написал Б.А. Садовской в статье «Фет-прозаик» [10. С. 71].

ся с традиционной гедонистической трактовкой творчества этого автора. С точки зрения Фета, предметом изображения в искусстве является красота, будничная жизнь – антагонист искусства. Тем не менее именно «проза» жизни стала предметом эстетического осмысления Фета в повести «Семейство Гольц».

Произведение выделяется из ряда других прозаических опытов Фета и потому представляет особый исследовательский интерес. Написанное в 1870 г., оно отразило творческие поиски «отставного литератора» на прозаической ниве. После вышедшего в 1863 г. собрания стихотворений, которое не имело успеха у публики, Фет уверенно перешел на стезю писателя-очеркиста, отражавшего ход пореформенных преобразований, происходивших в русской деревне [6. С. 123–159], и получившего за это наименование «летописца пореформенной России» [11. С. 295]. В 1860-е гг., помимо деревенских очерков, писатель работал над другими очерковыми циклами: «Военные записки» [6. С. 111–123] и «<Записки судьи>» [6. С. 159–173], – оставшимися незавершенными. Все названные циклы имели подчеркнуто автобиографический характер и основывались на документальном материале: «Военные записки» возвращали к периоду кирасирской службы в Новороссии, а «судейские» – к опыту, полученному Фетом в период исполнения должности мирового судьи Мценского уезда (1867–1877).

«Семейство Гольц» является определенным итогом эстетических поисков Фета в 1860-е гг. и связующим звеном между очерковыми «записками», «заметками» 1860-х гг. и художественной прозой 1870–1880-х гг. Эта повесть отличается целостностью композиционного строения, органичностью и «живорожденностью» (если воспользоваться терминологией Фета) создания, отсутствием заложенной в ее основание философской идеи (черта, свойственная многим художественным сочинениям Фета-прозаика, вызывавшая критику И.С. Тургенева) и событийной «фрагментарности». Данное произведение можно считать наиболее совершенным из всех прозаических созданий Фета. Не случайно его высоко оценил такой мастер, как Л.Н. Толстой, мнением которого Фет чрезвычайно дорожил. Толстой прочитал «кавалерийскую повесть» своего друга в черновике и написал ему: «...содержание серьезное и поэтическое, и <...> если вы можете написать такие сцены, как старушка с поджатыми локтями и де-вушка, то и все вы можете обделаться соответственно этому; и лишнее

должны все выкинуть и сделать из всего, как Анненков говорит, *перло*. Добывайте золото просеиванием» [9. Т. 1. С. 401].

Образ главного героя Гольца явился результатом многолетних попыток Фета создать сложный, неоднозначный литературный образ. Эти поиски начались в процессе работы над циклом «Военные записки» (1864–1865) (в первую очередь, над повестью «<Полковник Бергер>», вошедшей в состав цикла), продолжились позднее в ходе обсуждения с Толстым недостатков в построении образа Андрея Болконского¹ и полемики с С.В. Энгельгардт о герое ее повести «Не сошлись» (1867) Владимире Павловиче Горнове². Отзывы поэта о героях Л.Н. Толстого и С.В. Энгельгардт помогают понять его собственные представления о литературном герое в те годы. Они сводятся к двум положениям. Во-первых, герой произведения не должен быть «человеком-нулем» – безликим и лишенным своеобразия. Во-вторых, чтобы «подчеркнуть» характер, необходимо акцентировать внимание на какой-нибудь яркой отрицательной черте, на страсти героя. Любопытно, что в обоих случаях Фет говорит о пьянстве – пороке, которым впоследствии будет наделен герой повести «Семейство Гольц».

¹ В письме от 7 ноября 1866 г., отвечая на фетовскую критику героя романа «Война и мир» Андрея Болконского, Толстой пытался объяснить недостатки в построении этого образа: «Я ...порадовался ...вашему суждению об одном из моих героев, князе Андрее, и вывел для себя поучительное из вашего суждения. Он однообразен, скучен и только un homme comme il faut во всей 1-й части. Это правда, но виноват в этом не он, а я. Кроме замысла характеров и движения их, кроме замысла столкновений характеров, есть у меня еще замысел исторический, который чрезвычайно усложняет мою работу и с которым я не справляюсь, как кажется. И от этого в 1-ой части я занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется. И это недостаток, который я ясно понял вследствие вашего письма, и надеюсь, что исправил. Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, то есть моем писании, – дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас, у меня никого нет. <...> вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого*, будет сыт человек» [9. Т. 1. С. 382].

² В целом положительно оценивая новое произведение С.В. Энгельгардт, отмечая, что прочел его «с особенным удовольствием», что оно «в тысячу раз лучше “Дыма”», Фет в то же время отмечал: «Герой слабоват. Надо было бы его чем-нибудь подчеркнуть – уж пил бы он – играл бы в карты или выслуживался у губернатора, что ли, а то он ничего» [12. С. 379].

Создание живого, многомерного образа, в котором сочетались бы самые разные черты характера и который не терял бы целостности и индивидуальности, видимо, было творческой задачей Фета в конце 1860-х гг. Герой его первого рассказа Каленик – чужак, оригинал, обладавший развитой интуицией, загадка природы. Герой повести «Дядюшка и двоюродный братец» Аполлон Шмаков тоже несомненная индивидуальность, но негодай, лишенный добродетели. Гольц продолжил линию героя–оригинала–негодая, однако его образ сложнее предыдущих, ибо обладает комплексом различных свойств и поведенческих особенностей.

Повесть рождалась в творческом диалоге с художественной концепцией романа И.С. Тургенева «Дым», в котором Фет увидел «культ страстей» и «проповедь эгоизма», а также в полемике с С.В. Энгельгардт и Л.Н. Толстым по поводу романа «Дым»¹. Важную роль в создании повествования «Семейство Гольц» сыграла ориентация на художественную прозу Л.Н. Толстого: «мысль семейная», ставшая художественным стержнем произведения, обращение к толстовской проблематике, основанной на использовании категорий «добро», «ложь», «любовь», психологизация образов главных героев – Луизы Гольц и ее мужа, использование несобственно-прямой речи при воссоздании внутренних монологов Луизы, особая стилистическая манера, подчиненная движению мысли, – эти и другие черты показывают, чему Фет учился у Толстого.

Особый интерес представляет организация повествования в этом произведении, которое понимается как процесс осуществления авторской стратегии на всех уровнях художественного целого. Принципы повествования во многом зависят от жанровой принадлежности произведения [13. С. 9], поэтому определение жанровой специфики «Семейства Гольц» необходимо для изучения его нарратива. Объем данного произведения, охват изображенных в нем событий, наличие нескольких сюжетных линий и эволюции героя, обилие статических элементов повествования, конструктивная роль рассказчика (повествователя) – все это позволяет считать «Семейство Гольц» повестью.

¹ Историко-литературный контекст повести «Семейство Гольц» проанализирован в ряде научных работ Л.И. Черемисиновой и в концентрированном виде представлен в книге «Проза А.А. Фета» [6. С. 182–202].

Обратимся к рассмотрению особенностей фетовского повествования, или, говоря языком современной нарратологии, к рассмотрению способов реализации нарративной стратегии в повести «Семейство Гольц». Основное развитие художественного смысла повести совершается, как отмечал В.В. Кожин, «не в собственно сюжетном движении», а в особой «речевой стихии» [5. С. 281]. Чтение повести Фета погружает в «речевую стихию»: повествование организовано преимущественно описаниями и рассуждениями – не событийным рядом. Отсюда неспешность, замедленность плетения повествовательной ткани.

В повести «Семейство Гольц», состоящей из восьми глав, разворачиваются две основные сюжетные линии. В первой сюжетной линии представлена жизнь семьи ветеринарного врача Гольца. Вторая сюжетная линия охватывает быт и службу в городе Крылове поселенного эскадрона кирасирского полка, образы действующих лиц: К.Ф. Бюлера – командира полка, И.И. Богоявленского – полкового лекаря, семей Ф.Ф. Гертнера (начальника округа) и казначея Рыбникова. Обе линии соединяет семейство полковника Ф.Ф. Гертнера: его жена Марья Ивановна знала еще до замужества героиню повести Луизу Гольц, она поведала о Луизе и ее муже повествователю [6. С. 197].

Главы IV и V, в которых сюжетная линия ветеринара Гольца вписывается в картину полковой жизни, составляют композиционный центр произведения. Повествующий рассказывает об обстоятельствах знакомства с врачом Гольцем (эпизод прогулки в конный лазарет с К.Ф. Бюлером и лечение лошади Прозерпины) и с его семьей (эпизод встречи с женой Гольца Луизой и его дочерью Лизой в доме казначея Рыбникова). В последующих главах обе сюжетные линии постепенно свертываются, изображается печальный финал, настигший всю семью Гольца.

В повествовании «связующую» роль играет не только Марья Ивановна Гертнер, но и автор, являющийся одним из героев прозаического произведения. Будучи полковым адъютантом кирасирского полка¹, он имел возможность наблюдать ветеринарного врача Гольца «со стороны» и впоследствии поведать о нем: «С самого поступления мо-

¹ А.А. Фет служил в кирасирском полку в г. Крылове (Елисаветграде) Херсонской губернии и исполнял должность полкового адъютанта с 5 февраля 1849 по 2 мая 1853 г. [14. С. 214].

его в полк глаза мои привыкли в известные часы дня встречать на тротуаре довольно оригинальную фигуру. В эти часы, вдоль серых заборов, торопливо и как бы желая поскорее скрыться от докучных наблюдателей, проходит небольшой человечек. С виду ему было лет под пятьдесят <...> Человек постоянно был, что называется, *грузен*. Не помню, кто мне пояснил, что это пьяный поселенный ветеринар Гольц» [1. Т. 3. С. 102].

В процитированном фрагменте повествование ведется от первого лица, но «повествующее “я” не имеет в “сюжетном” смысле определяющего, первостепенного значения» [5. С. 281]. Рассказчик оказывается посторонним наблюдателем и своеобразным хроникером происходивших событий. Такая позиция сохранена до конца повести: «Переменив вскорости место служения, я ничего не знаю о дальнейшей судьбе Гольца. Вероятно, зимой замерз где-нибудь под забором» [1. Т. 3. С. 114].

Повествование «Семейство Гольц» не документальная зарисовка с натуры: Фет особым образом выстраивает композицию произведения, излагает предысторию героев, обстоятельства своего знакомства с ними, изображает необратимую деградацию Гольца и описывает период своей службы в должности полкового адъютанта, воспроизводит атмосферу эпохи кирасирского прошлого [6. С. 196].

Различия субъектов и типов повествования делят повесть на две части. В первой части (главы 1–3) представлено объективное повествование от лица «всеведущего» повествователя. Произведение начинается так: «Лет сорок тому назад аптеку в Кременчуге содержал некто Александр Андреевич Зальман. Высокого роста, красивый брюнет, Зальман обладал всеми качествами для успеха у женщин известного склада. С видом глубокомыслия и страстности он постоянно говорил о Шиллере, Гете, Байроне и т.п., и немногие догадывались, как, в сущности, он мало понимал тех, о ком говорил с таким жаром. Он был ревностным гомеопатом <...>. Жена его, образованная женщина и хорошая музыкантша, с своей стороны способствовала домашнему благосостоянию, давая уроки на фортепиано. Эта серьезная, строгая женщина мало обращала внимания на проделки мужа и ревностно занималась воспитанием единственной дочери – Луизы» [1. Т. 3. С. 79].

Содержание первой главы – описание жизни Луизы у родителей, обстоятельств ее знакомства с Гольцем и последовавшего замужества.

Во второй главе речь идет об устройстве Луизой своего семейного гнездышка и о том, как Гольц познакомился с полковым врачом Иринархом Ивановичем Богоявленским, в дальнейшем пристрастившим героя к употреблению алкоголя и таким образом сыгравшим роковую роль в судьбе ветеринара.

Третья глава расширяет представление о личности Богоявленского и окружавших его людях, показывает образ весьма образованного, рассудительного, хладнокровного, скептически настроенного человека, от нечего делать заинтересовавшегося персоной Гольца. Богоявленский сумел разглядеть слабые стороны характера Гольца, поставил себе цель («Надо бы эту улитку заставить выпустить рожки» [1. Т. 3. С. 92]) и методично стремился ее достичь. «Небольшого труда стоило Богоявленскому заставить Гольца выпить первую, а затем вторую и третью рюмку *anticholericum'a*. Разогревшийся ветеринар, видимо наслаждаясь новым для него положением, уже не так сильно порывался к должности. Слушая лестные слова Богоявленского, он чувствовал себя счастливым, чуть не триумфатором. <...> Иринарх Иванович решился не вызывать Гольца на рассуждения, а просто курить перед ним фимиам» [1. Т. 3. С. 93]. Богоявленский, подобно крыловской Лисице, с помощью лести добился желанной цели: «раскрутил» «улитку»-Гольца и заодно споил его. Намек на крыловскую басню содержится в тексте произведения: во время сватовства Гольц, казавшийся «зловещим вороном» шестнадцатилетней Луизе, получив отказ от ее матери, вдруг «закричал во все горло по-немецки» [1. Т. 3. С. 80].

Начиная с 4-й главы происходит смена нарративного типа, возникает «я-повествование», которое продолжается до самого конца повести. «В сороковых годах полком нашим командовал всеми любимый и уважаемый барон Карл Федорович Б...», – этими словами открывается четвертая, «переломная» глава повести. – Штаб полка находился в городке К., лежащем на берегу одного из днепровских притоков. Замечательный кавалерист и тонкий знаток лошадей, барон Б. весьма серьезно смотрел на службу, что не мешало ему с жадностью читать новейшие произведения французской и русской литературы, быть самым любезным собеседником и страшным хлебосолом» [1. Т. 3. С. 98].

Прототипом центральной фигуры «кирасирской части» повести был командир кирасирского Военного ордена полка Бюлер Карл Федорович, при котором Фет занимал должность адъютанта [15. С. 151, 155].

Ответственное отношение к службе, гостеприимные обеды с офицерами, знание французской и русской литературы, навыки ведения беседы – характерные черты Бюлера, которые Фет ранее попытался воплотить в образе героя неоконченной повести «<Полковник Бергер>» [16]. Позднее он посвятил им многочисленные эпизоды итоговой мемуарной книги «Ранние годы моей жизни» (1893), которая заканчивалась воспоминаниями о К.Ф. Бюлере, о характере общения с ним за пределами кирасирского полка: «У Карла Федоровича я не раз бывал в Петербурге, где он занимал должность помощника великого князя Николая Николаевича. Он встречал меня как родного сына, и в числе многих его практических изречений я никогда не забывал слышанного мною еще в Орденском полку: “Хороший эскадронный командир всегда будет хорошим хозяином”. Распространяю это изречение при воспоминании о своей Орденской службе так: никакая школа жизни не может сравниться с военной службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычку к мгновенному достижению цели кратчайшим путем» [17. С. 548].

Сюжет повести «Семейство Гольц» позволил Фету окунуться в прошлое, пережить незабываемые моменты армейской службы, излагая факты, поведавать о своих отношениях с командиром полка, засвидетельствовать искреннюю привязанность к нему. «Барон вставал рано, особенно летом (а лето в Новороссии чуть не круглый год), и прямо отправлялся пешком в конный лазарет <...>. В этих утренних странствиях ему ежедневно приходилось проходить мимо моей квартиры; но, зная, что его полковой адъютант (пишущий эти строки тогда занимал эту должность) не выходит в канцелярию до восьми часов, он никогда не тревожил меня ранними визитами» [1. Т. 3. С. 98]. «Штабная жизнь наша не отличалась разнообразием. Утром манеж, канцелярия, а вечера мы почти неразлучно с бароном проводили у городских знакомых, кружок которых был весьма необширен. Добрейший холостяк – бригадный генерал. У него же был и бильярд, и потому мы нередко заглядывали к нему в однообразные зимние вечера» [1. Т. 3. С. 99].

Особая лирическая атмосфера, задушевность тона, теплота воспоминаний окутывают «кирасирские» страницы прозаического произведения. На это сразу обратил внимание сослуживец и друг писателя

И.П. Борисов, проявлявший неподдельный интерес ко всему, чем занимался отставной офицер-литератор, тем более к его «армейским воспоминаниям». В письме к Фету от 22 октября 1870 г. И.П. Борисов делился впечатлениями от только что прочитанной повести: «...прочел с большим удоволь<ствием> <...> потому уже, что никакого нет тут Шопенгаурства. Вспомнилась милая Вохландия. <...> Еще тебе скажу, что все строки твои, проходившие по жизни действительно<й>, один табак вкусный; а где литературил – другой табак. Может быть, на меня это действовало так потому, что я сам вохландец, а может и потому, что я перед этим только что отчитал “Войну и мир” и остался раздражительно чутким на всякую папироску» [18. Л. 205]. Глубину осмысления и критический уровень оценочных суждений Борисова характеризует разграничение строк, «проходивших по жизни действительно<й>», и тех, в которых Фет «литературил». Армейскому сослуживцу писателя воспоминания о полковой жизни понравились гораздо больше, нежели история семьи Гольца.

Перед Фетом стояла непростая творческая задача – изобразить судьбу ветеринара Гольца и его семьи на фоне документальных эпизодов жизни кирасирского полка. Поиск ее решения повлек за собой особый способ реализации нарративной стратегии, в частности смену типов повествования. «В плане повествования, – справедливо отмечает Т.А. Капырина, характеризую фетовский нарратив, – в художественной прозе сочетаются две модели» [2. С. 5]. Однако последующие выводы исследовательницы кажутся далеко не бесспорными: «С помощью “я”-повествования, рассказчика, передается движение мира к хаосу, катастрофе, проявляющейся в гибели героя. Позиция повествователя уравнивает представление героя о мире, показывает продолжение “истории” после гибели рассказчика, условность изображенной катастрофы» [2. С. 5]. Непонятно, о какой «гибели рассказчика» здесь идет речь и почему «я-повествование» показывает «движение мира к хаосу».

Функция «я-повествования» в произведении Фета иная: это способ погружения в кавалерийское прошлое рассказчика (полкового адъютанта); стратегия, благодаря которой вносится «лирический» элемент в произведение, передается ностальгия по прошлому, выражается признательность автора полковому начальству, сослуживцам за годы, проведенные вместе, за приобретенный жизненный опыт и теплоту воспоминаний.

Объективное повествование используется для изображения жизни семейства Гольц и «катастрофы», постигшей его. «“Посредничество” повествователя, – как заметил Н.Д. Тмарченко, – помогает читателю прежде всего получить более достоверное и объективное представление о событиях и поступках, а также о внутренней жизни персонажей. “Посредничество” рассказчика позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей» [19. С. 192–193]. «Взаимозаменяемость» рассказчика и повествователя по мере разворачивания сюжета «Семейства Гольц», изменение ракурсов изображения и точек зрения, а заодно с ними – перемена типов повествования – художественно оправданы в повести Фета, выполняют определенную сверхзадачу.

В фетовском произведении переплетались взгляды «извне» и «изнутри», субъективное и объективное повествование. Это позволило автору охватить широкую картину жизни, показать конкретный срез истории полка, создать многомерные, живые образы. Гольц изображен человеком несчастным, отвратительным из-за одержимости тяжелым недугом. В то же время он человек без «самостоянья», нравственного стержня, ничтожный эгоист, раб неумейной страсти к алкоголю, которая довела до гибели его жену, оставила детей сиротами. Писатель отслеживает этапы необратимого падения Гольца до окончательной деградации личности, изображает страдания семьи ветеринара. Трагическая судьба Гольца преподносится автором как бы «со стороны», от лица повествователя.

Появление рассказчика – полкового адъютанта – меняет точку зрения в повести и открывает иной ракурс изображения. Читатель теперь воспринимает мир художественного произведения через сознание героя. Позиция рассказывания придает лиризм и сердечность повествованию, изнутри «оживляет» его. Таким образом, автор невольно уравнивает внутреннюю и внешнюю позиции, связывает воедино все повествование, в котором «образ рассказчика и его рассказ оказываются своеобразным “мостиком”» [19. С. 193].

«Семейство Гольц» – произведение, в котором на первом плане, говоря словами Л.Н. Толстого, «мысль семейная». Фет показал несчастливую семью, «в которой вместо любви – пустота и одиночество, вместо красоты – безобразие, вместо веры – поклонение низменным страстям и одержимость» [6. С. 199]. Однако содержание по-

вести не сводимо к изображению «мира умирающего, вырождающегося» [2. С. 12]. Несмотря на трагическую коллизию, повесть «Семейство Гольц» не погружает читателя в безысходность, отчаяние и мрак. Это становится возможным во многом благодаря нарративной стратегии, избранной автором. В повести есть и свет, и тепло человеческих отношений, и тонкий юмор, и сочувствие.

Исследование жанровой и нарративной стратегии повести Фета «Семейство Гольц» дает представление о пути, по которому шло развитие художественной прозы Фета, о поэтике его прозы и характере автобиографизма. Оно позволяет сделать предварительные выводы о сложности выражения авторской позиции в различных произведениях Фета, о разном соотношении автобиографизма и творческого вымысла в них, а также приоткрывает «механизм» составления в конце 1880-х – начале 1890-х гг. трехтомного мемуарного повествования «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни». Способ репрезентации авторского сознания в мемуарах Фета, мозаичность композиционного строения, установка на объективное летописание и фактографичность – эти и другие черты поэтики складывались в процессе создания очерковой прозы, а также рассказов и повестей Фета 1850–1870-х гг.

Литература

1. Фет А.А. Сочинения и письма : в 20 т. / редкол.: В.А. Кошелев (гл. ред.) [и др.]. СПб. : Академический проект, 2002– (издание продолжается).
2. Капырина Т.А. Поэтика прозы А.А. Фета (сюжет и повествование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 18 с.
3. Тархов А.Е. Проза Фета-Шеншина // Фет А.А. Сочинения : в 2 т. / подгот. текста, сост., коммент. А.Е. Тархова. М. : Худ. лит., 1982. Т. 2. 461 с.
4. Фет А.А. Письма к А.А. Краевскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 391 (А.А. Краевского). Ед. хр. 786.
5. Кожин В.В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 281.
6. Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 376 с.
7. Фет А.А. Семейство Гольц // Русский вестник. 1870. Т. 89, № 9. С. 281–321.
8. Фет-Шеншин А.А. Письма к Борисовым, И.П. и Н.А. // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 315. Оп. 2. Картон 2. Ед. хр. 30.

9. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями : в 2 т. / сост., примеч. С.А. Розановой. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.; Т. 2. 479 с.
10. Садовской Б.А. Ледоход: Статьи и заметки. Петроград : Изд. автора, 1916. 208 с.
11. Черемисинов Г.А. Фет-публицист о хозяйственном строе России // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета : сб. науч. тр. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1992. С. 278–299.
12. Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма / вступ. ст. А.Е. Тархова ; сост. и примеч. Г.Д. Аслановой, Н.Г. Охотина и А.Е. Тархова. М. : Сов. Россия, 1988. 464 с.
13. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–24.
14. Григорович А.И. История 13 драгунского Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. II: 1809–1860 гг. СПб., 1912. 268 с.
15. Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета. Публикация Б.Я. Бухштаба // Фет А.А. Традиции и проблемы изучения : сб. науч. тр. Курск, 1985. С. 129–182.
16. «Крыловские» рассказы А. Фета (два неопубликованных фрагмента) / публ. Л.И. Черемисиновой // А.А. Фет и русская литература / под ред. В.А. Кошелева, Г.Д. Аслановой. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 14–27.
17. Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. 469 с.
18. Борисов И.П. Письма Шеншину-Фету А.А. 1857–1871 // Рукописный отдел Института русской литературы. № 20272. 217 л.
19. Тамарченко Н.Д. Повествование // Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distispliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 11.10.2018).

Narrative Strategy in Afanasy Fet's Story *The Golts Family*

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 5–20

DOI: 10.17223/23062061/24/1

Larisa I. Cheremisinova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).
E-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru.

Keywords: Afanasy Fet, story, narrative strategy, type of narration, narrator, storyteller.

In the modern research on Afanasy Fet, questions of “prosaic” Fet studies remain poorly investigated: the poetics of Fet’s prose, the specifics of its narrative, the genre features of the works, the comparative analysis of Fet’s narrative practice and contemporary writers’ works. Examination of ways of implementing the narrative strategy in the story *The Golts Family* requires clarification of the genre features of this work since the principles of narration largely depend on the genre. The volume of this text, the coverage of the events depicted in it, the presence of several plot lines, the abundance of static narrative elements, the constructive role of the narrator, the organization of the narration mainly by descriptions and arguments rather than by event series make *The*

Golts Family a story. The differences of subjects and types of narrative divide the story into two parts. The first part (Chapters 1–3) presents an objective narrative on behalf of an “omniscient” narrator. Starting from Chapter 4, the narrative type changes to “I-narration”, which continues until the very end of the story. A special lyrical atmosphere, an intimate tone, the warmth of memories cocoon the “cuirassier” pages of the story. Fet was faced with a difficult creative task: to depict the fate of the vet Golts and his family against the background of documentary episodes of the life of the cuirassier regiment. The search for the solution entailed a special way of implementing a narrative strategy, in particular, a change in the types of narration. The “interchangeability” of the storyteller and the narrator, changes in the perspectives of the image, in the points of view, and, at the same time, in the types of narration are artistically justified in Fet’s story for they fulfill a certain super-task. The “mediation” of the narrator allows the reader to enter the depicted world and look at the events through the eyes of the characters. In *The Golts Family*, views “from the outside” and “from the inside”, subjective and objective narratives intertwined. This allowed the author to capture a broad picture of life, to create a multidimensional live image that combines various character traits and possesses individuality and integrity. The author shows Golts’ tragic fate as if “from the outside”, on behalf of the narrator. The appearance of the narrator—the regimental adjutant—changes the point of view in the story and gives a different perspective of the image. The reader now perceives the world of artwork through the character’s consciousness. The position of narrating endows the story with lyricism and cordiality, “revives” it “from the inside”. Thus, the author unwittingly balances the internal and external positions, binds together the whole story.

References

1. Fet, A.A. (2002) *Sochineniya i pis'ma: V 20 t.* [Works and Letters: In 20 vols]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
2. Kapyrina, T.A. (2008) *Poetika prozy A.A. Feta (syuzhet i povestvovanie)* [The poetics of A.A. Fet (plot and narration)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kolomna.
3. Tarkhov, A.E. (1982) *Proza Feta-Shenshina* [Fet-Shenshin’s prose]. In: Fet, A.A. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Moscow: Khudozh. lit., 1982. T. 2. 461 s.
4. Fet, A.A. (n.d.) *Pis'ma k A.A. Kraevskomu* [Letters to A. A. Kraevsky]. The Department of Manuscripts, Russian National Library. Fund 391 (A. A. Kraevsky). File 786.
5. Kozhinov, V.V. (1987) *Povest' [Story]*. In: Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
6. Cheremisinova, L.I. (2008) *Proza A.A. Feta* [A.A. Fet’s Prose]. Saratov: Saratov State University.
7. Fet, A.A. (1870) *Semeystvo Gol'ts* [The Golts Family]. *Russkiy vestnik*. 89(9). pp. 281–321.

8. Fet-Shenshin, A.A. (n.d.) *Pis'ma k Borisovym, I.P. i N.A.* [Letters to Borisovs, I.P. and N.A.]. NIOR of the Russian State Library. Fund 315. List 2. Folder 2. File 30.

9. Tolstoy, L.N. (1978) *Perepiska s russkimi pisatelyami: V 2 t.* [Correspondence with Russian Writers: In 2 volumes]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

10. Sadovskoy, B. (1916) *Ledokhod: Stat'i i zametki* [Ice Drift: Articles and Notes]. Petrograd: B. Sadovskoy.

11. Cheremisinov, G.A. (1992) Fet-publitsist o khozyaystvennom stroe Rossii [Fet-publicist about the economic system of Russia]. In: Golle, G.E. (ed.) *Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva A.A. Feta* [Problems of studying A.A. Fet's life and work of]. Kursk: Kursk State Pedagogical Institute. pp. 278–299.

12. Fet, A.A. (1988) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Sov. Rossiya.

13. Tyupa, V.I. (2011) The narrative strategy of the novel. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 3(18). pp. 8–24. (In Russian).

14. Grigorovich, A.I. (1912) *Istoriya 13 Dragunskogo Voennogo Ordena general-fel'dmarshala grafa Minikha polka* [History of the 13th Dragoon Military Order of Field Marshal Count Minich Regiment]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].

15. Blok, G.P. (1985) *Letopis' zhizni A.A. Feta*. Publikatsiya B.Ya. Bukhshtaba [The chronicle of A.A. Fet's life. Publication of B.Ya. Bukhshtab]. In: Skatov, N.N. (ed.) *Fet A.A. Traditsii i problemy izucheniya* [Fet A.A. Traditions and Problems of Study]. Kursk: [s.n.]. pp. 129–182.

16. Cheremisinova, L.I. (2002) “Krylovskie” rasskazy A. Feta (dva neopublikovannykh fragmenta) [The “Krylov” stories by A. Fet (two unpublished fragments)]. In: Koshelev, V.A. & Aslanova, G.D. (eds) *A.A. Fet i russkaya literatura* [A.A. Fet and Russian Literature]. Kursk: Izd-vo Kursk State Pedagogical Institute. pp. 14–27.

17. Fet, A.A. (1983) *Rannie gody moyey zhizni* [Early Years of My Life]. Moscow: Pravda.

18. Borisov, I.P. (n.d.) *Pis'ma Shenshinu-Fetu A. A. 1857–1871* [Letters to A.A. Shenshin-Fet 1857–1871]. The Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. № 20272. 217 l.

19. Tamarchenko, N.D. (n.d.) *Povestvovanie* [Narration]. In: Chernets, L.V. (ed.) *Literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy* [Literary criticism. Literary work: basic concepts and terms]. [Online] Available from: http://taviak.ru/distance/wpsontent/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (Accessed: 11th October 2019).